

**Н. Д. АХШАРУМОВ О РОМАНЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»**

*Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15-04-00491):
«Неисследованные «имена» в русском литературном процессе второй половины XIX века:
Н. Д. Ахшарумов как прозаик и литературный критик»*

Статья посвящена восприятию романа Достоевского современным ему критиком эстетического направления Н.Д. Ахшарумов. В работе этого критика впервые предпринят глубокий анализ психологизма как главной особенности художественного метода писателя. Вместе с тем здесь высказаны критические замечания, связанные с проблемой взаимоотношения автора и героя.

Психологизм, эстетическая критика, имманентный анализ, «внеаходимость» автора.

The paper is devoted to N.D. Akhsharumov's perception of F. Dostoevsky's novel. Psychological insight as the main feature of the writer's artistic method is analyzed by the critic for the first time. However, he expressed criticisms related to the problem of relations between an author and a protagonist.

Psychological insight, aesthetic criticism, immanent analysis, author's objectivity.

Введение.

Творчество Ф. М. Достоевского, с момента появления его первых произведений, всегда сопровождалось повышенным вниманием критики. Такова была и судьба романа «Преступление и наказание». Среди журнальных отзывов о нем обычно называют статьи Н. Н. Стрхова (Отечественные записки. 1867. № 3, 4) и Д. И. Писарева (Дело. 1867. Кн. 5). Однако вскоре после появления критического отзыва Стрхова была опубликована статья Н. Д. Ахшарумова «Преступление и наказание», роман Ф. М. Достоевского» (Всемирный труд. 1867. №3), которая существенно дополняет картину «первоначального» читательского восприятия романа и в совокупности с другими фактами дает возможность представить полемический контекст его «раннего» литературного бытия.

Основная часть.

Н. Д. Ахшарумов (1820–1893) как литературный критик (в отличие от его репутации популярного беллетриста) оказался мало замечен даже своими современниками. Ссылок на его статьи (он печатался с конца 1850-х по 1880-е гг.) предельно мало, за исключением его программной работы «О порождении искусства» (Отечественные записки. 1858. № 7), имевшей длительный резонанс в печати [5]. Эта статья создала Ахшарумову «репутацию одного из ведущих критиков «эстетической школы» [3, с. 131]. Однако в современных учебниках, исследовательских работах его не включают в состав знаменитого триумvirата (А. В. Дружинин, П. В. Анненков, В. П. Боткин), изредка упоминая о нем по какому-то частному поводу. Вместе с тем это вполне сложившаяся фигура в русской критике второй половины XIX века, введение которой в историю литературы этого периода представляет определенный научный и практический интерес.

Обращение Ахшарумова как критика к творчеству Достоевского закономерно, ибо Достоевский оказал на него самое сильное влияние как на писателя (внимание к тайникам человеческой души, остро сюжетность повествования, связанная, в частности, с темой преступления); в свою очередь сам автор «Преступления и наказания» проявлял интерес к творчеству Ахшарумова и симпатизировал ему как человеку. Ахшарумов, очевидно, часто общался с Достоевским, ибо был участником литературного кружка при журналах «Время» и «Эпоха».

Доминантой статьи Ахшарумова является психологический анализ романа Достоевского, ибо именно сам он как читатель испытал прежде всего эффект психологического воздействия произведения. Индивидуальность его критического метода сразу обнаруживает себя в органичном сочетании аналитического начала и художественного видения текста, позволяющем Ахшарумову создавать собственные образы и картины. Эмоциональное впечатление критика от романа оказывается столь сильным, что «повествователь» (присутствие художественной модальности позволяет использовать здесь термин нарратологии) ощущает себя частью художественного мира, созданного Достоевским. Он пытается, условно говоря, занять позицию героя, посмотреть на мир его глазами и в то же время постоянно отстраняется от него (эта дистанция будет постепенно увеличиваться), оценивает, объясняет, анализирует. Уже начало статьи передает эту непосредственную «включенность» нарратора в атмосферу произведения; случайно выбрано повествование от первого лица: «Знойное лето, жара, духота нестерпимая, в воздухе ни одной струйки свежести... Мы бродим, сами не зная, зачем, то туда, то сюда; мы попали в безвыходный круг, в лабиринт глухих закоулков жизни, грязных дворов, темных, извилистых коридоров, вонючих лестниц... Уродливые фигуры попадают

нам навстречу и дико косятся на нас, выглядывают на нас из полуоткрытых дверей, из окон, из-за углов... Нищета и разврат, порок, преступление и отчаяние написаны у них ясно на лицах... Нам становится душно и тяжело; на сердце у нас как будто камень лежит; какие-то безотчетные подозрения и предчувствия закрадываются к нам в душу, томят и пугают нас» и т. д. [1] Подобные картины периодически возникают в статье.

В то же время Ахшарумов время от времени «возвращается» к себе – в «отступлениях по поводу» – особенно в начале и в конце статьи. Однако если у современной ему публицистической критики в таких отступлениях речь шла преимущественно о проблемах общественной жизни, политике, идеологии; в эстетической критике – о вопросах искусства, то Ахшарумов рассуждает о нравственности современного общества, безднах человеческой души, роковых обстоятельствах, которым не в силах сопротивляться человек, и т. д., например:

Покуда мы молоды и не успели узнать, что такое жизнь, или покуда случайности нашего положения в ней не сняли нам завесы с мрачной ее стороны, сторона эта не имеет для нас почти никакого реального смысла. Мы знаем, что есть такие вещи, как нищета и банкротство, есть тиф, холера, и рак, и сумасшествие; но покуда на нашей стороне улицы солнце светит, и мы дышим легко, и на сердце у нас не щемит, в голове не путается, до тех пор нам сдается, как будто все это не для нас, а для другого кого-то, нам незнакомого и чужого, а мы точно как будто отделены от этого чем-то непроходимым и застрахованы [1].

Выход за рамки произведения – в социальный контекст – возникает только в конце работы Ахшарумова, когда он позволяет себе сказать «несколько слов о причине, дающей в наших глазах особенный смысл таким явлениям, как *Раскольников*» [1]. Собственно говоря, об этой причине речь шла уже в начале статьи, но теперь критик ищет литературному герою, явлению, с ним связанному, аналог в современной общественной ситуации.

Есть скверные положения в жизни, – пишет он, – и одно из сквернейших, конечно, то, когда человек, не имеющий ничего, кроме рук, для работы, считает свое неимущество позорным несчастьем и нестерпимой обидой для себя. Противоречие это – неприемлемое противоречие между тем, на что человек претендует, и тем, что он есть, порождает в нем злобу и делает его личным врагом существующего порядка. Это одно из главнейших, характерических свойств того, что мы называем: *пролетариат*. Пролетариат, к несчастью, есть и у нас, и хотя он у нас числительно далеко не дорос до того, что мы видим у наших соседей на Западе, но зато он у нас начался с другого конца [1].

Ахшарумов имеет в виду сословный состав русского пролетариата: это не «фабричные работники» и «батраки», но «учащаяся молодежь» – и считает эту тенденцию крайне опасной.

На протяжении всей статьи взгляд литературного критика и писателя совмещается с моментом

эмоционального читательского вживания в героя. При этом возникает иллюзия того (скорее всего, моделируемая автором), что восприятие произведения происходит как на сознательном, так и на бессознательном уровнях. Однако позиция Ахшарумова как литературного критика обнаруживает себя, прежде всего, в анализе романа, когда сила эмоционального впечатления отступает перед рациональным взглядом на вещи.

Нам удалось, наконец, одолеть Раскольникова и отделить себя от него настолько, – пишет Ахшарумов, – чтобы дать себе ясный отчет: кто он есть и что с ним такое творится?... Этот отчет мы и беремся теперь передать читателю, освобожденному, наконец, вместе с нами от страшного кошмара [1].

Отделив себя от героя, критик последовательно рассматривает события внутренней и внешней жизни Раскольникова, создавая в каком-то смысле «свой» психологический сюжет. Разумеется, это сюжет, вторичный по отношению к роману, но если принять художественный текст, условно, за «реальное происшествие», а критическую статью за «повествуемую историю» (В. Шмидт) [8], то можно увидеть тот отбор материала и его интерпретацию, которую предпринимает критик. Согласимся с В. Шмидтом, что «категории события и событийности можно применять и к самой истории литературы» [9], в данном случае – к литературной критике.

Ахшарумов последовательно рассматривает путь зарождения и формирования идеи Раскольникова, обращая особенное внимание на его эмоциональное, психологическое состояние, его тревоги и страхи, внутреннюю борьбу и попытку сопротивляться своей мысли, которая постепенно подчиняет Раскольникова себе:

Блудливое любопытство нужды и отсутствие всяких других занятий заставляли его сперва играть с этим зародышем мысли, как со страшной игрушкой, и он так привык к этой игре, так был убежден, что это только игра и что из мысли не выйдет дела, что незаметно втянулся в эту игру до того, что не мог уже оторваться от нее, до того, что стал чувствовать наконец, как роли переменились и то, чем он забавлялся, овладев им, стало его давить и тянуть к себе, и он сам стал игрушкой у него в руках [1].

Этот герой не вызывает у критика никакого сочувствия. С самого начала знакомства с романом Раскольников производит на него «неприятное, отвратительное» впечатление; и оно остается неизменным.

Уточним, что Ахшарумов не ссылается на какие-либо критические отзывы о романе, ни с кем не вступает в полемику, сохраняя абсолютную автономность собственного взгляда на вещи. Такой подход можно рассматривать – по определенным параметрам – в рамках феноменологического анализа, освобожденного от каких-либо внешних впечатлений, уже высказанных суждений о романе (несо-

мненно, известных Ахшарумову), кроме самого текста романа. В этом критический метод Ахшарумова, безусловно, сближается с эстетической критикой, нацеленной на имманентное прочтение текста с точки зрения его поэтики. Вместе с тем сопоставление статьи Ахшарумова с работами, которые появились примерно в то же время (особенно Н. Н. Страхова и Д. И. Писарева), позволяет увидеть его индивидуальность, прежде всего, в трактовке образа Раскольникова.

Н. Н. Страхов воспринял главного героя романа Достоевского как нигилиста; неслучайно он сравнивает его с Базаровым. При этом Раскольников вызывает гораздо более сочувственное отношение критика, чем центральный персонаж романа «Отцы и дети». В его нигилизме Страхов разглядел глубоко трагическое в своей сущности явление. «Автор, — пишет он, — взял натуру более глубокую, приписал ей более глубокое уклонение от жизни, чем другие писатели, касавшиеся нигилизма. Цель его была — изобразить страдания, которые терпит живой человек, дойдя до такого разрыва с жизнью... Это не смех над молодым поколением, не укоры и обвинения, это — плач над ним» [6, с. 101]. В Раскольникове Страхов увидел возможность осознания того, что всеохватное отрицание оборачивается самоуничтожением. «Итак, в первый раз, — заключает критик, — перед нами изображен нигилист несчастный, нигилист, глубоко человечески страдающий» [6, с. 102]. С точки зрения Страхова, этот тип героя (Раскольников, Шатов, Карамазов и пр.) является одним из основных у Достоевского.

Ахшарумов не видит ни подобного масштаба личности главного героя «Преступления и наказания», ни подлинного трагизма его фигуры. Рассматривая причины, которые привели к возникновению идеи Раскольникова, критик, прежде всего, учитывает обстоятельства его жизни. Как и Писарев, Ахшарумов считает исходным моментом, главным мотивом поведения Раскольникова его бедность, однако выводы при этом делаются разные. Писарев, по сути, отрицает роль теории Раскольникова в совершенном им преступлении. «Она была простым продуктом, — поясняет критик, — тех тяжелых обстоятельств, с которыми Раскольников принужден был бороться и которые довели его до изнеможения. Настоящую и единственную причину являются все-таки тяжелые обстоятельства, пришедшие не по силам нашему раздражительному и нетерпеливому герою, которому легче было разом броситься в пропасть, чем выдерживать в продолжение нескольких месяцев или даже лет глухую, темную и изнурительную борьбу с крупными и мелкими лишениями» [4, с. 359]. Ахшарумов иначе понимает роль материальных обстоятельств в жизни Раскольникова, напрямую связывая их с личностью, характером героя. «Для человека известного круга и воспитания, с известным складом привычек, стремлений и проч., — пишет он, — изо всех зол нет, может быть, ни одного, которое было бы так страшно, как нищета (разумея под нищетой, конечно, не нищенство, а только последнюю степень бедности)». Однако не сама по

себе нищета, но «сознание этого недостатка, — уточняет критик, — и есть та первая, общая всем последним причина, которая делает нищету в их глазах самым ужаснейшим из несчастий» [1]. Это осознание ее как чего-то постыдного, незаслуженного, являющегося непреодолимым препятствием к реализации собственных возможностей и способностей.

В центре внимания Ахшарумова оказываются те повороты мысли, парадоксы сознания Раскольникова, которые делают для него почти неизбежным совершение преступления. Критик в чем-то «додумывает» ход мыслей героя, приводя его внутреннюю речь: «Такой человек, как он, с его широким взглядом на вещи, с его умом, с его волею, до чего он не мог бы достичь, если б не эта тупая и унижительная преграда?» [1]. Рассматривая все нюансы работы мысли Раскольникова, критик отмечает также его способность к анализу, которая, в конечном итоге, приводит героя к «ясному пониманию, что достоинство человека — одна вещь, а случайная обстановка его положения — совершенно другая» [1]. Ахшарумов убежден, что дело заключается не только в положении Раскольникова и характере его ума, но и в самой натуре этого человека: в его самолюбии, «спеси», «свирипом высокомерии», ибо в своих собственных глазах он личность волевая, с «широким взглядом на вещи» [1]. В итоге «человек этот предпочел просто выделить себя из толпы и признать за единицу другого порядка, за одно из тех высших существ, для которых обыкновенный путь не указан» [1], — пишет критик. Позднее он найдет подтверждение своей мысли в статье Раскольникова.

Ахшарумов приводит развернутые цитаты из этой статьи, в основном, связанные с представлением Раскольникова о людях обыкновенных и необыкновенных и о праве необыкновенных людей на преступление. В самой идее, теории Раскольникова критик не видит ничего оригинального, сразу замечая, что это «взгляды, конечно, выработанные не им» [1]. Чуть позднее он пояснит, что имеет в виду Раскольников под «новым Иерусалимом»: «Это тот новый порядок жизни, к которому клонятся все стремления социалистов, порядок, в котором *всеобщее счастье* может осуществиться, и Раскольников готов верить в возможность такого порядка, по крайней мере, он не оспаривает его возможности» [1]. Социалистические идеи явно не вызывают у Ахшарумова сочувствия, но он и не пытается представить Раскольникова социалистом, подчеркивая, что его волнует не столько «общее счастье», сколько собственные интересы. И ту гуманную мысль, которая мелькает в статье Раскольникова (преступление оправдано, только если оно принесет пользу «человечеству»), критик не воспринимает всерьез. Очевидно, поэтому он не рассматривает разговоров Раскольникова с Соней, где эта идея получает наиболее развернутый характер. Такая трактовка героя делает невозможным обращение к религиозно-философской проблематике романа, которая в дальнейшем окажется в центре внимания исследовательской мысли.

Сам процесс возникновения и развития теории Раскольникова, как и тот «оборот практический»,

который она начинает приобретать в сознании героя, подчиняя его себе, критик признает художественно убедительным: «Мы повторим еще раз, что взгляд автора на психологическую задачу, ему предстоящую, в коренных основаниях своих верен» [1]; «глубокая правда его сообщает рассказу характер живой, невыдуманной действительности. В результате мы видим перед собою ярко очерченный образ Раскольникова» [1]. Одно из самых глубоких заключений Ахшарумова – идея нераздельности в романе «преступления» и «наказания». Он высказывает оригинальную мысль о том, что «наказание начинается раньше, чем дело совершено» [1]. Критик проследживает те моменты душевной борьбы, внутренние муки, эмоции, которые испытывает герой романа еще до совершения преступления: «Дело дошло, наконец, до того, что и обманывать себя долее было уж невозможно; с ужасом он убедился, что это уж более не простая фантазия, а положительный и серьезный умысел. Он был отвратителен для Раскольникова, но Раскольников уж не мог от него отказаться надолго, не мог оттолкнуть его от себя и только пытался от него, колебался в мучительной нерешимости, трусил, дрожал...» [1].

Однако у Ахшарумова вызывает сомнение способность такого человека, как Раскольников: мечтателя, идеалиста, внутренне слабого и безвольного, достаточно тривиального в своих умозаключениях, – совершить преступление: «Он был ненаходчив, неловок и горд», «это слабый, болезненно впечатлительный и задавленный обстоятельствами юноша, под влиянием раздраженной мысли вообразивший себя титаном и сам на каждом шагу инстинктивно чувствующий свою ошибку, но не имеющий силы освободиться из-под ее обаятельного влияния» [1]. Отсюда, с точки зрения Ахшарумова, возникает известная противоречивость фигуры Раскольникова. «Теоретических противоречий, – пишет он, – мы не берем в расчет. Мало ли что совмещается в голове, чего никак нельзя совместить на деле. Мы видали примеры и не такой путаницы. Поэтому мы легко поймем, что додуматься до подобной пакости Раскольников мог и оправдывать ее мог. Но каким образом такой лирик, Гамлет, такой малодушный и слабонервный мечтатель мог найти в себе столько решимости, чтобы исполнить действительно им задуманное, это не так-то ясно» [1].

Тот художественный просчет, который Ахшарумов видит в романе, он объясняет, прежде всего, авторской позицией. «Мы должны допустить, – пишет критик, – что автор сделал ошибку, не отделив достаточно ясной чертой себя от своего создания. Он был, как говорили у нас во время оно, недостаточно объективен. Его собственный, местами высоко лирический, местами неподражаемо юмористический взгляд на Раскольникова и на его поступок в жару увлечения нечувствительно ускользнул от него, перешел к Раскольникову и с свойственным этому последнему дерзостью усвоен был им» [1].

Ахшарумов говорит о принципиально важной проблеме взаимоотношения автора и героя, предлагая не только историко-литературное, но и теорети-

ческое ее объяснение. Не случайно эта проблема возникнет позднее в работах самых авторитетных теоретиков литературы. Так, М. М. Бахтин видит главное условие эстетического отношения автора и героя в позиции «внеаходимости» автора по отношению к нему. «Подчеркиваем, – пишет Бахтин, – что дело здесь идет не о теоретическом согласии или несогласии автора с героем: для нахождения обязательной точки опоры вне героя вовсе не нужно и не достаточно найти основательное теоретическое опровержение его воззрений; напряженно-заинтересованное и уверенное несогласие есть столь же неэстетическая точка зрения, как и заинтересованная солидарность с героем; нет, нужно найти такую позицию по отношению к герою, при которой все его мировоззрение во всей его глубине, с его правотою или неправотою, добром и злом – одинаково – стало бы лишь моментом его бытийного, интуитивно-воззрительного конкретного целого» [2, с.19]. Ахшарумов рассматривает не только психологию героя, но и психологию творческого процесса, объясняя, каким образом произошло «совмещение» автора и персонажа в романе «Преступление и наказание»: «Очень полезно для того, чтобы лучше понять изображаемое лицо, поставить себя, как говорится, на месте его, войти в его положение и пережить собственным сердцем; но сердце и сердце рознь. Того, что чувствовал бы такой поэт, как г-н Достоевский, если бы он каким-нибудь колдовством мог очутиться действительно в положении Раскольникова, того не мог, даже и приблизительно, чувствовать настоящий Раскольников, а если бы мог, то он никогда не сделал бы такой мерзости. Это была ошибка – ошибка существенная, и, раз убедаясь в ней, нетрудно себе объяснить, какие она имела последствия. Анализ, в основе своей глубоко верный, получил ложный оттенок, и этот ложный оттенок явился вокруг головы Раскольникова какою-то бледною ореолою павшего ангела, которая вовсе ему не к лицу» [1]. Взаимоотношения автора и героя – это эстетический аспект художественного произведения. Собственно именно эстетический метод доминирует в статье, где в центре внимания критика оказывается поэтика текста – мастерство психологического анализа Достоевского.

Сосредоточившись на личности главного героя романа, критик рассматривает его также в системе других персонажей романа «Преступление и наказание». Так, говоря об отношениях Раскольникова с Соней, Ахшарумов отмечает, что они изображены «бледно и вяло» [1]. В образе Сони он также видит определенные художественные просчеты автора: «Лицо это глубоко идеальное, и задача его была невыразимо трудна; поэтому, может быть, исполнение ее и кажется нам слабо. Задумана она хорошо, но ей тела недостает; несмотря на то, что она беспрестанно у нас на глазах, мы как-то не видим ее. Все, что о ней говорят, полно смысла и рисует ее гораздо лучше, чем то, что она сама от себя говорит» [1]. Возможно, именно по этой причине Ахшарумов оставил без внимания ее разговоры с Раскольниковым, где и присутствует главное объяснение мотивов его преступления. «Неосознательно вышли, – считает он, –

мать и сестра Раскольников», эти два «общих места» [1]. Наоборот, к художественным удачам автора Ахшарумов относит образы Разумихина, Порфирия Петровича, Свидригайлова, Мармеладова. В их оценках эстетический анализ вновь совмещается с непосредственной, эмоциональной читательской реакцией, например: «То ли дело, например, Разумихин!.. Сколько жизни и какие яркие краски! Каждое слово, движение этого человека принадлежат только ему одному и выделяют это лицо из тысячи!.. Или Порфирий, следовательно?.. Порфирий неподражаем!.. Не говоря уж о том, что он выполнен в совершенстве; это в глаза бросается. Картина полна и выходит из рамки; ни одной черточки не найдешь прибавить или убавить, совершенно живой человек» [1].

Наиболее сильное художественное впечатление, с точки зрения критика, производит Катерина Ивановна, как и семья Мармеладовых (учитывая особое отношение Ахшарумова к Соне) в целом: «Семья Мармеладовых принадлежит к числу лучших вещей, когда-нибудь созданных автором, и совершенно во вкусе его. Несмотря на ужасный смысл их положения и их отношений друг к другу, общее впечатление до того горячо и чисто и дышит таким истинно человеческим пониманием человека и любовью к человеку, что мы почти отдыхаем на нем от удушливой атмосферы ужаса и отчаяния, в которой автор нас заставляет вращаться все остальное время. Катерина Ивановна – вот настоящая героиня. Ничего меньше похожего на идеал, но вместе и ничего, в чем истинная энергия женщины заявила бы себя правдивее, громче и явственнее. Это безвыходное, отчаянное несчастье, это отсутствие всякой опоры и всякого утешения, и ввиду всего этого такая борьба! Борьба ежедневная, ежечасная, без одной минуты отдыха, без малейшей надежды на помощь или победу, борьба без уступки и сдачи, борьба до последнего вздоха и до последнего замирания сердца!.. Что должен был чувствовать такой человек, как Раскольников, встретясь лицом к лицу с такою женщиной? Не должен ли он был сгореть от стыда, не должен ли он был показаться сам себе грязною тряпкою?» [1].

Не увидев в Раскольнике ничего, достойного сочувствия, Ахшарумов и к его покаянию относится

скептически. Правда, это недоверие не столько к герою, сколько к авторской трактовке этого этапа его жизни. «Мы знаем, пишет критик, – что главным двигателем была *любовь* – и любовь к *Соне*; но даже и это рассказано второпях, суммарным приемом всех эпизодов» [1]. Однако и это критическое замечание не отменяет в целом высокой оценки Ахшарумовым высокого художественного уровня произведения.

Выводы.

Итак, статья Ахшарумова о «Преступлении и наказании» – одна из первых развернутых оценок романа Ф. М. Достоевского – передает впечатление читателя-современника, популярного писателя и критика эстетического направления. Непосредственность читательской рецепции, художественное видение романа подчинены в его работе высоко профессиональному анализу поэтики произведения. Главный вывод Ахшарумова – о мастерстве психологического анализа автора романа – станет в дальнейшем одним из магистральных направлений в исследовании творчества Достоевского.

Литература

1. Ахшарумов, Н. Д. «Преступление и наказание», роман Ф. М. Достоевского / Н. Д. Ахшарумов // Всемирный труд. – 1867. – №3. – URL: <http://lit.lseptember.ru/2002/44/11.htm>.
2. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
3. Майорова, О. Е. Ахшарумов Николай Дмитриевич / О. Е. Майорова // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – М., 1989. – Т. 1.
4. Писарев, Д. И. Борьба за жизнь / Д. И. Писарев // Писарев Д. И. Собр. соч.: в 4 т. – М., 1956. – Т. 4.
5. Собрание материалов о направлении отраслей русской словесности. – СПб., 1865.
6. Страхов, Н. Н. Ф. М. Достоевский Преступление и наказание / Н. Н. Страхов // Страхов Н.Н. Литературная критика. – СПб., 2000.
7. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М., 2003.
8. Шмид, В. История литературы с точки зрения нарратологии / В. Шмид // Вопросы литературы. – 2012. – №5. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/5/s13.html>

УДК 81-114

Е. А. Григорович

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Т. С. Нифанова
Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова

СРАВНЕНИЕ И СОПОСТАВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВ В ДРЕВНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы, посвященные сравнению и сопоставлению языков в таких государствах, как: Древний Египет, Древняя Индия, Древний Китай, Аккад, Хеттское царство, Древняя Греция и Древний Рим. Комментируется применение межязыкового сопоставления в трудах таких древнеримских авторов, как: Дионисий Галикарнасский, Марк Фабий Квинтилиан, Макробий, и некоторых других. Таким образом, автором прослеживается путь от наиболее ранних, наивных сравнений языка до появления первых собственно сопоставительных произведений в Древнем Риме.